

МИФ и ТАЛАНТЫ

Эскиз

Москва. — 1994. — 23 июня (№18). — с. 13.

Человек творческий представляет собой благодатный материал для мифологизации. Его популярность только подливает воду в корыто с глиной, приготовленной гончарами-доброхотами для лепки очередного мифа. Сия чаша Амаяка не миновала. За годы, прошедшие с того момента, когда шестилетний мальчик на сцене одной рукой ловко завязывал галстук, — он превратился в устах молвы в легкомысленного обольстителя, пожирающего дамские сердца в свободное от фокусов время. Образ оказался пленительным не только для поклонниц, но и для самого кумира. Между тем это всего лишь миф, ограниченность которого Амаяк не может не чувствовать. Ему, щедро наделенному талантами, явно тесно в щегольском костюме от кутюрье Ловеласа.

Образ

Легко предположить, что сыну знаменитого Арутюна Акопяна с рождения была проторена дорожка на сцену. Природная пластика и ловкость, с которой мальчик усваивал искусство манипуляции, обещали усыпать этот путь розами. Первый урожай аплодисментов он собрал чуть раньше первого школьного звонка (посадившего за парту будущего создателя «ноу-хау» по части шпаргалок). Это случилось в Центральном доме работников искусств, где Амаяк показывал, кроме завязывания галстука, манипуляции с шариками, столь обильно выходившими из его ротовой полости, что удивленные зрители строили догадки, чему приписать сей трюк: опыту юного иллюзиониста или же особенностям его анатомии. Но каково было бы изумление публики, вдруг узнавшей, что всем фокусам Амаяк предпочитает карандаши и краски, что он мечтает стать не артистом, а художником?

Его детство прошло в мастерской известного советского живописца В. А. Серова, приложившего талантливую кисть к «ленинской» теме. Наблюдая за успехами своего ученика в рисовании, Владимир Александрович пророчил ему большое будущее. В шестом классе Амаяк поступает в элитную Суриковскую художественную школу. Но смерть наставника ставит на долгое время крест на увлечении живописью, он бросает «художку», краски и посвящает себя кипучей деятельности... «министра культуры». Так называли его в школе за активное служение музам, что нередко вызвало нарекания учителей, впрочем, не столь суровые, какие можно было бы ожидать ученика, разрабатывающего шпаргалки. Педагогическая либеральность объяснялась просто и без намеков на «мажорность»: Акопян готовил концертные программы по любому поводу, называемому праздником, а, как известно, красных дней в календаре было ни чуть не меньше, чем в независимом российском. И потому творческий коллектив Амаяка, включавший в себя танцевальный, вокально-инструментальный ансамбль, драматическую труппу, едва успевал менять тематический репертуар, на просмотр которого собиралась вся школа вкупе со снисходительными учителями.

Во время нечастых визитов на уроки с ним происходили метаморфозы: из «министра культуры», кстати, далекого от чванства и высокомерия (это в начале семидесятых-то годов!), он превращался в изобретателя-самоучку в области техники применения шпаргалок. Так, ему принадлежит «патент» на изобретение шпаргалочного механизма, представляющего собой наручные часы без циферблата и стекла со встроеным рулончиком мелкоисписанной бумаги. Вопреки расхожему мнению, ни одно счастливое поколение школьников и студентов поддерживает свою успеваемость благодаря тому, что «наблюдает часы». Сам же изобретатель пользовался творением рук своих на уроках математики, которая и в дальнейшем будет ему «сушить сердце».

После школы был ГИТИС. Амаяк попал в театральную-студенческую среду, где почти каждый имел свое «министерство» прошлое. Однако он не затерялся, да и трудно было уподобиться иголке в стогу сена, если его зажигательный артистизм выстреливал фейерверками разножанровых импровизаций, всегда находя тонких ценителей оригинальной пиротехники.

В институте к нему вернулось вдохновение художника. С акварелью он и прежде не водил дружбу за ее водянистую сущность, а вот конфликт с маслом — проверенным партнером серовского времени — был неожиданным. После безуспешных попыток вернуть его прежнее расположение Амаяк приходит к выводу, что писать маслом могут только художники, отмеченные Богом, что лишь избранным доступна вся цветовая палитра.

Гордый за свое открытие, он ограничивается черно-белой темой, понимая все ее коварство. Подобно древнегреческим сиренам, завлекавшим пе-

нием моряков, а затем их губившим, графика своей мнимой простотой притягивает не нашедших себя в других жанрах художников, чтобы потом жестоко посмеяться над их дилетанством. Амаяк представлял себе эту опасность. Поэтому ему было приятно почувствовать легкость, с которой «пошла» черно-белая тема. Он сравнительно быстро овладел ее достоинствами: лаконичностью и афористичностью. Факт появления нового графика вышел за рамки личной биографии Акопяна. Его рисунки печатали в «Литературке», «Медицинской газете», а в «Советской культуре» отвели целую рубрику «По ту сторону фокуса». В основном это были комиксы, на роль главного героя которых со временем был приглашен факир, добрый волшебник — излюбленный образ автора. Акопян-художник нашел себя, а Акопян-артист был еще в поиске своего сценического «я». Проторенность дорожки на эстраду могла бы осчастливить любого другого продолжателя династии, но только

Коммерческие структуры предлагали ему открыть казино «У Амаяка». Громкая вывеска наверняка притянула бы азартных толстосумов, но он не захотел связываться с сомнительным игорным бизнесом. Честь дороже.

не Акопяна-младшего. При всем уважении к творчеству отца он не хотел быть на него похожим. Каким талантом нужно было обладать, чтобы о тебе заговорили как не о сыне Арутюна, но Амаяке? Годы ушли

году он появляется на сцене с номером «Комические фокусы, или Танцующий фокусник», где пантомима, пародия на иллюзионистов-манипуляторов переплетались с элементами хореографии. Насколько это было гармонично и своеобразно, оценило международное жюри. На конкурсах в Болгарии, ГДР, Чехословакии он получил специальные премии и две золотые медали в разряде комической манипуляции. Вообще география Амаяк учил не по глобусу, а по гастрольному расписанию. объездил с концертами более сорока стран, с лихвой восполнив пробелы обучения в английской спецшколе в том смысле, что свои репризы переводил на языки туземцев. «Иллюзии по-немецки», «манипуляции по-итальянски» — публика отведала аппетитные «блюда», бессознательно позволяя водить себя за нос к большому удовольствию артиста, незаметно собирающего урожай часов, портмоне, документов, чтобы в конце представления преподнести сюрприз их небдительным владельцам. Порой Амаяк увлеклся, входил в раж, и тогда число «потерпевших» за какие-то считанные минуты выросло до десяти.

Однажды едва не случился конфуз. И где? Перед родной советской милицией! Акопян, как положено, вернулся из зала на сцену с трофеями, затем под аплодисменты раздал их офицерам и уже за кулисами обнаружил в кармане еще одни часы. Попробуй докажи, что не вор! В одно мгновение он снова вылетел на сцену и, забавляя публику историями про чукотского мальчика, принялся судорожно выискивать глазами нужного зрителя. Наконец, взгляд упал на мужчину в первом ряду, на левой руке которого явно не доставало часов. Вспомнил: он! Быстро подбежал к нему и, отвлекая внимание, положил часы в карман владельца. Можно представить, с какой счастливой улыбкой он в третий раз выходил на сцену, когда незадачливый зритель, вдруг обнаруживший пропажу, потребовал «виновника». В его фразе «посмотрите в левом кармане» были и облегчение, и осознание собственного профессионализма (могу!), которому мог бы позавидовать сам Глеб Жеглов, близко знакомый с карманом Кирпича.

Профессионализм для Амаяка — первое дело. Ему приятно, когда считают с его мастерством иллюзиониста-манипулятора. Поэтому он не выпроваживает из своего гостиничного номера Гоги, за 20 лет

Он остался

при своей

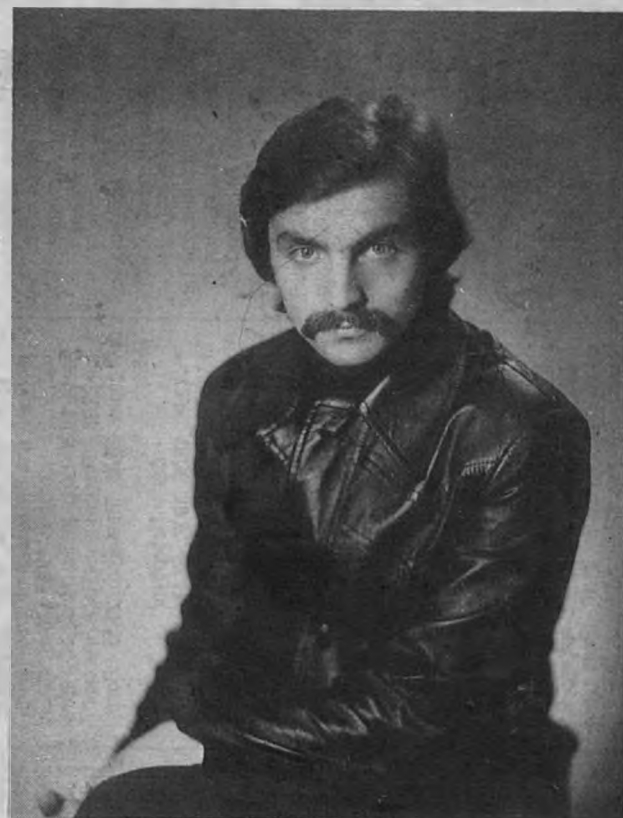
знаменитой фразе:

«ВСЕ В КОНЕЧНОМ

СЧЕТЕ РЕШАЕТ

ВЗМАХ ЖЕНСКИХ

РЕСНИЦ»

тюремь ставшего карточным виртуозом, но тем не менее пришедшего к артисту за советом: «Амаяк, покажи, как ты раскладываешь карты на руке, потом их подбрасываешь, они переворачиваются и падают снова на свое место». Его профессиональному самолюбию льстит, когда «наперсточники» высшей квалификации, с которыми он никогда не имел ничего общего, отдают ему должное как манипулятору: «Учитель!»

Однако Акопян не позволяет злоупотреблять своим честным именем артиста, даже если это обещает хорошую прибыль. Коммерческие структуры предлагали ему открыть казино «У Амаяка». Громкая вывеска наверняка притянула бы азартных толстосумов, но он не захотел связываться с сомнительным игорным бизнесом. Честь дороже.

К «новым русским» он, «армянин московского разлива» (собственное определение), относится недоверчиво. Разумеется, дело здесь не в национальном вопросе, поскольку бизнес, коммерция — понятия космополитические. Признавая, что среди них много талантливых людей, действительно стремящихся помочь государству, он не склонен переоценивать размеры этого влияния.

Акопян туда не собирается. Ему нужен наш, российский зритель, для которого пойти на концерт — это на три часа оторваться от унывающего быта. Ему нужно внимание детей, заваливших письмами телецентр на Шаболовке, откуда он, добрый волшебник, ведет передачу «Праздник каждый день». Артист их читает, иногда отвечает, как, например, девочке-подростку из Улан-Удэ, написавшей ему с необычной просьбой: «Амаяк! Я некрасивая, страшная, со мною никто не дружит, с родителями плохие отношения. Помоги мне — сделай красивой. А за это я тебе подарю колечко, которое подарила мне мама на день рождения.» Как тут не ответить? И добрый волшебник написал девочке: «Я обещаю тебе, что всю свою магическую силу направлю в твою сторону. Если ты мне веришь, то станешь красивой и у тебя появятся много друзей». Спустя месяцы от ее родителей приходит письмо, где он находит подтверждение правоты своего поступка. Важно было психологически поддержать девочку-подростка, «гадкого утенка», из которого время сделало прекрасного лебедя.

Дети и родители его любят, потому что он рассказывает красивые сказки. Он всегда так считал. Поэтому был ошарашен, разбуженный ранним звонком в дверь и эмоциональным монологом мамы, державшей за руку двоих детей: «Мы вас так любим, вы такой обаятельный... Как вы могли убить ребенка?!» После ухода женщины Амаяк не сразу сообразил, что она имела в виду фильм «Воры в законе», где он играл отнюдь не доброго волшебника, сбивающего на машине женщину с коляской.

Это была далеко не первая его работа в кино. Он дебютировал в 70-е годы в картине «Взлет», на которую был приглашен для постановки фокусов, трюков и эпизодической роли эlegantного лакея. Кинорежиссеры быстро смекнули, насколько может

быть удобен Акопян-актер, убивающий сразу двух зайцев: демонстрирует манипуляции и исполняет второстепенную роль. За ним потянулся шлейф шулеров, проходивцев, чародеев — персонажей-масок, не позволявших раскрыться актерскому таланту. Долгое время Амаяк вел борьбу за драматическую роль, увенчавшуюся успехом в фильме «Возвращение Будулая», где он сыграл цыгана Павла, героя с судьбой. Дальше были принесшая популярность картина «Пишите письма», главная роль в «Фантазиях на тему любви». Совсем недавно снялся в фильме Ю. Кары «Мастер и Маргарита», которого кинозрители ждут не дожудтся.

К Акопяну-художнику, Акопяну-иллюзионисту прибавился Акопян-актер (впрочем, последовательность этого арифметического действия может быть различной, но в любом случае мой произвол останется безнаказанным, поскольку математика продолжает «сушить сердце» Амаяка). Однако источник его талантов не исчерпан. Разработанная в графике тема факира (доброе волшебника) ждет своего воплощения в мультипликации, что уже, правда, из области планов, как и издание написанных детских с непременно постановкой «Волшебника Изумрудного города»... Это далеко не все его мечты, которые он как фаталит не хочет разглашать, даже трижды при этом постучав по дереву.

«Наперсточники» высшей квалификации, с которыми он никогда не имел ничего общего, отдают ему должное как манипулятору: «Учитель!»

А стучать он может смело в любое время дня и ночи, не боясь разбудить дремлющую супругу: Амаяк холост, вернее, свободен. Это уточнение важно в смысле перспективы сохранения status quo. Свободен — значит, обречен на холостяцкую жизнь по причине ее преимуществ над семейной. Критерий истины — практика. Амаяк был женат, потом развелся с убеждением, что никаким калачом Гименей его больше не заманит.

Эволюция взглядов на целесообразность семейного очага ни коим образом не повлияла на его представления о женщине. Он остался при своей знаменитой фразе: «Все в конечном счете решает взмах женских ресниц», — которая потрудились над созданием мифа об обольстителе. Как всякий творческий человек он нуждается не просто в женщине, но Музе. Если ее нет, то приходится придумывать.

Популярность его растет, все чаще заставляя надевать затемненные очки, шляпу, дабы спокойно пройти по улице, избежав навязчивых просьб прохожих: «О, Амаяк! Покажи фокус!» Самим собой, без аксессуаров детективного романа он бывает только с друзьями. На недавнее новоселье Филипп Киркоров подарил чайник, Маша Распутина презентовала набор стаканов, а Александр Ширвиндт («дядя Шура») принес с собой аж целый ковер. Амаяк купается в свободе и живет творчеством.

Последние штрихи

Не знаю, насколько удалась мне попытка демифологизировать образ популярного артиста. Выход за рамки привычного восприятия таит в себе опасность создания нового мифа, столь же абсурдного. Тем не менее свою задачу я посчитаю выполненной, если тесный костюм от кутюрье Ловеласа будет отнесен в ближайший комиссионный магазин. Держу пари, этот товар не залежится.

В. БАРУЛИН.